

Екатерина М. Болтунова

Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX вв.)

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern
Europe 1, 157-166

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
ПОЛЬША – РОССИЯ: ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ
ТОМ I

Екатерина М. Болтунова
Национальный исследовательский университет
„Высшая школа экономики”, Москва

Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX вв.)

Задачей предлагаемой статьи является рассмотрение в историко-культурологической перспективе пространства власти двух столиц (Варшавы и Санкт-Петербурга) в контексте чрезвычайно сложных отношений двух стран конца XVIII – первой трети XIX вв., а именно анализ пространственного контекста властной репрезентации, в котором оказываются (реально или символически) значимые политические фигуры эпохи. К числу тех, кто в указанный период оказался в ином культурном и политическом пространстве и/или стремился к созданию здесь собственного репрезентативного поля можно отнести как польского короля Станислава Августа Понятовского, приехавшего в Петербург в 1797 г. и прожившего в российской столице последние месяцы своей жизни, так и нескольких представителей дома Романовых, чья жизнь так или иначе оказалась связана с Царством Польским (прежде всего, великого князя Константина Павловича и императора Николая I).

Пространством власти в данном случае мы будем называть парадные помещения императорских дворцов, тронные и „печальные” залы, а также некоторые культовые сооружения (соборы и костелы) обоих городов, имевшие перво-

степенное значение для реализации представительских функций. В этой связи особое значение представляют такие объекты, как Петербургский Мраморный дворец, где жил Станислав Август, и Варшавский Бельведерский дворец, который долгое время занимал фактический наместник в Польше великий князь Константин Павлович.¹ Следует также выделить костел Св. Екатерины в Санкт-Петербурге, где в 1798 г. был похоронен польский король (илл. 1–4), кафедральный собор Св. Иоанна (Яна) в Варшаве, где состоялось символическое погребение Александра I как польского короля (1826 г.) и зал Сената Варшавского замка, место польской коро-

---

¹ После смерти 1826 г. князя И. Зайончека, являвшегося официальным наместником Российского императора в Царстве Польском с 1815 г., должность оставалась вакантной до 1831 г., то есть вплоть до появления на этом посту после подавления польского восстания генерала-фельдмаршала И. Ф. Паскевича-Эриванского. Однако имеет смысл указать на то, что великий князь Константин Павлович, занимавший должность главнокомандующего Польской армией, воспринимался русской стороной как абсолютный представитель царя в регионе. Многочисленные русские источники (как документы официального делопроизводства, так и материалы личного происхождения) ссылаются на великого князя Константина как на наместника в Польше не только применительно к 1826–1830 гг., но и к значительно более раннему периоду.

Илл. 1. Костел Св. Екатерины, Санкт-Петербург, современный вид

Илл. 2. Костел Св. Екатерины, Санкт-Петербург, интерьер, современный вид

нации императора Николая I (1829 г.), а затем дестронизации последнего (1831 г.).

Петербург Станислава Августа Понятовского

Существует достаточно устойчивое представление, базирующееся на высказываниях современников, о том, что польский король Станислав Август Понятовский, влачил в Петербурге несчастное существование. В источни-

ках личного происхождения того времени его часто называют „злополучным изгнанником”², „несчастливым королем”³, а место его последнего пребывания – Мраморный дворец в Санкт-Петербурге – „могильным дворцом”.⁴ Достаточно распространенным мотивом становится и описание преследовавших короля неудач. Впрочем, речь идет лишь об одном единственном, хотя и вполне знаковом, эпизоде придворной жизни. Большинство современников относят его ко времени коронации Павла I в Москве. Станислав Август, участвовавший в церемониале, вынужден был стоять во время продолжительных церковных служб. Забывшись или почувствовав усталость (здесь трактовки разнятся), бывший польский король позволил себе присесть и немедленно получил приказ от императора Павла I подняться.⁵ В ряде случаев (как, например, в описании С. Моравского) эта сцена была перенесена в театр.⁶ Возможно, апелляции современников к этому (очевидно, реальному) случаю были связаны с тем, что последний показывал отрекшегося от власти стареющего Станислава Августа в оскорбительной для него роли человека подначального.

Вместе с тем, при более детальном рассмотрении пребывания Станислава Августа в Петербурге становится ясно, что такие оценки, по всей видимости, были связаны скорее с личной драмой, которую переживал в тот момент король, а не с его положением при петербургском дворе. В действительности статус польского короля здесь был исключительно высоким.

С самого приезда Станислава Августа в российскую столицу весь церемониал встречи и пребывания высокого гостя в Петербурге был актуализирован. Следует вспомнить организованный для него церемониальный въезд в сопровождении свиты в Петербург, официальный прием, устроенный императором Павлом I и императрицей Марией Федоровной. По случаю этого приезда при дворе был снят траур по недавно скончавшейся Екатерине II, прошла череда обедов в честь польского гостя.

Но самым зримым символом высокого статуса короля в Петербурге стал выбор места про-

² Кудрявцева (1872: 119–130).

³ Чарторижский (1998: 123).

⁴ Моравский (2010: 591).

⁵ Чарторижский (1998: 110); Виже-Лебрен (2004: 90).

⁶ Моравский (2010: 591).

Илл. 3. Крипта Костела Св. Екатерины, Санкт-Петербург, современный вид

Илл. 4. Крипта Костела Св. Екатерины, Санкт-Петербург, современный вид

живания. Станиславу Августу было предложено несколько дворцов, в том числе Каменноостровский, загородная императорская резиденция. Король, однако, выбрал Мраморный дворец (1768–1785 гг., арх. А. Ринальди), построенный, как известно, Екатериной II для графа Г. Г. Орлова, а позже выкупленный у его наследников и пожалованный великому князю Константину Павловичу. Располагавшийся в центре столицы, дворец находился в непосредственной близости как от главной монаршей резиденции страны (Зимнего дворца), так и от строящегося Михайловского замка Павла I.

Мраморный дворец имел не только значительное число жилых покоев для короля и его свиты, но и представительские помещения 2 этажа, к которым вела огромная парадная лестница. В распоряжении короля оказалась парадная анфилада: Лаковый, Орловский, Мраморный залы, Парадная столовая.⁷ Здесь же находилась и своего рода комната почета, посвященная Екатерине II – так называемое Собрание зало. Стены этого зала были декорированы обоями с вензелем императрицы, а основное место в интерьере занимал портрет Екатерины II с устроенным над ним балдахином, увенчанным, в свою очередь, императорской короной.⁸

Не менее достойно польского короля намеревались принять в Москве во время коронации Павла I. В частности, московскому главнокомандующему действительному тайному советнику М. М. Измайлову было приказано освободить для этих целей свой дом. 2 марта 1797 г. он сообщил императору: „Всемиловнейший государь! Вашего императорского величества указ о чищении и приготовлении дома, в котором я живу для пребывания Его величества короля Польского я имел щастие получить и высочайшее повеленное все исполнить со всею поспешностью”.⁹

Погребение скончавшегося через год Станислава Августа соответствовало канонам погребения членов императорских фамилий. Прежде всего, для организации последнего была создана, так называемая, печальная комиссия во главе с канцлером князем А. А. Безбородко. Документы комиссии отложились в материалах

Российского Государственного архива древних актов, поэтому мы можем составить достаточно четкое представление об этом ритуале.

В Мраморном дворце была устроена траурная зала (*castrum doloris*). Тело короля было установлено на поднятом на несколько ступеней помосте под балдахином. Показательно, что источники прямо называют эту структуру „троном”.¹⁰ На короля была возложена горностаевая мантия с гербами. Здесь же были установлены „две короны: одна золотая, возложенная на короля, а другая серебрянная и вызолоченная, несомая в процессии” (илл. 5).¹¹

В храме Св. Екатерины на Невском проспекте, в крипте которого долгое время покоились останки короля, был также устроен катафалк, с возложенными на него государственными регалиями. Судя по сохранившейся гравюре И. Колпакова, его также разместили под балдахином между обелисками, на каждом из которых, в свою очередь, был изображен герб Польши и монограмма SAR (*Stanislaus Augustus Rex*).¹²

К оформлению обоих помещений был привлечен архитектор В. Бренна, которому часто поручались проекты траурного убранства.¹³

В самой церемонии похорон польского короля участвовали 6 императорских камер-пажей, 20 пажей, 10 камер лакеев, 8 скороходов и 40 лакеев, а также служители Ведомства придворной конюшенной канторы (кучера, форейторы, конюхи). Для каждого из них было приготовлено „траурное одеяние с королевскими гербами”.¹⁴

Устроение и убранство в Мраморном дворце *castrum doloris* и катафалка в церкви обошлось казне в 24 785 руб. Общая стоимость похорон составила почти 52 500 руб.¹⁵ Правительству пришлось также решать вопрос о возмещении католической церкви Св. Екатерины ежегодного дохода, получаемого от церковного погребя, который оказался занят „каменной постройкою, где положено тело Его Величества короля Польского”.¹⁶

¹⁰ РГАДА ДПЛ (1798: л. 1).

¹¹ РГАДА ДПЛ (1798: л. 2–2 об., 13).

¹² Гравюра И. Колпакова (по проекту В. Бренны). Катафалк Станислава Августа Понятовского в храме Св. Екатерины.

¹³ Лансере (2006: 273–274).

¹⁴ РГАДА ДПЛ (1798: л. 2 об., 13).

¹⁵ РГАДА ДПЛ (1798: л. 13).

¹⁶ РГАДА ДПЛ (1798: л. 14).

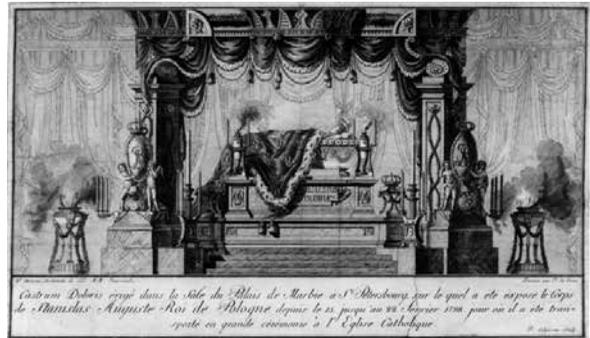
⁷ Ухналев (2002: 90–135), Орлов (1885: 438).

⁸ Ухналев (2002: 101–102).

⁹ РГАДА ДО (1797: л. 1).

Обращает на себя внимание, не только четкая структура самого церемониала, но и активное использование во время похорон короля Станислава Августа государственных регалий (прежде всего, двух корон). Одна из корон была возложена на голову короля, другая была выставлена у трона, а затем и церковного катафалка вместе с другими регалиями. По мнению А. Краевского, золотая корона была погребена вместе с телом короля.¹⁷ И это при том, что, как убедительно показывает О. Г. Агеева, в ряде случаев в XVIII в. похороны собственно членов августейшей фамилии могли быть значительно менее репрезентативными.¹⁸ Очевидно, что в случае со Станиславом Августом, говорить о каких бы то ни было попытках символически пересмотреть статус короля не приходится. На уровне позиционирования этой фигуры для императора Павла I, Станислав Понятовский, отрекшийся от престола еще в 1795 г., оставался польским королем. По точному замечанию С. Моравского, Павел I „умел почтить даже тень короны”.¹⁹ Очевидно, впрочем, что для русского императора такое понятие, как „бывший король” едва ли имело право на существование.

Интересно, вместе с тем, что, в целом, пространство, в котором польский король находился в России, оказывается пространством достаточно четко маркированным. В качестве маркера здесь выступает образ Екатерины II.²⁰ К нему отсылала программа художественного убранства Мраморного дворца, *castrum doloris* во дворце была убрана бархатными обоями „с вензелем блаженной памяти государыни императрицы”,²¹ а тело короля было решено похоронить в костеле Св. Екатерины. Показательно, что этот мотив легко „считывался” современниками. Так, известная французская художница Виже-Лебрен в своих Воспоминаниях обращает внимание на то, что дворец, предоставленный королю для проживания в Санкт-Петербурге

Илл. 5. Траурная зала (*castrum doloris*) Станислава Августа Понятовского в Мраморном дворце, гравюра И. Колпакова (по проекту В. Бренны)

„по странной игре случая... находился насупротив крепости, где погребена Екатерина II”.²²

Отчасти появление образа Екатерины II, сопровождавшего польского короля в пространстве Петербурга, было неизбежным, на том простом основании, что дворец короля находился в центре властной топографии Екатерининского царствования. Примечательно, что неизбежность таких коннотаций понимал и сам император Павел I, стремившийся отказаться от топографических ориентиров эпохи Екатерины II и построить собственную резиденцию (Михайловский замок) в некотором отдалении от Зимнего дворца.²³ С другой стороны, нельзя отрицать, что коннотации такого рода могли также сознательно или бессознательно навязываться польскому королю.

Варшава Великого князя Константина Павловича и императора Николая I

Формирование репрезентативного пространства российской власти в Варшаве развивалось иначе. Этот процесс оказался, прежде всего, связан с именем Великого князя Константина Павловича. Интересно, между прочим, что в отношении топографии власти, фигуры короля Станислава Августа и великого князя Константина оказались опосредованным образом связанными. Мраморный дворец в Санкт-Петербурге, в котором польский король прожил последний год своей жизни, принадлежал именно Константину Павловичу. Несмотря на распространённое мнение о том, что Екатерина II

¹⁷ Краевский (2009: 63).

¹⁸ Агеева (2001: 499).

¹⁹ Моравский (2010: 592).

²⁰ Интересно, что один из современников, рассуждая о причинах, побудивших Станислава Августа пересечь в Россию после отречения, полагал, что король следовал призрачной мечте заключить с Екатериной брак. Моравский (2010: 590).

²¹ РГАДА ДПЛ (1798: л. 2).

²² Виже-Лебрен (2004: 90).

²³ Болтунова (2011: 80–82).

отобрала дворец у внука „за плохое поведение”, последний все время находился в ведении Придворной Канцелярии Великого князя Константина Павловича.²⁴ В свою очередь, выбранный Константином для основного проживания в Польше Бельведерский дворец был частью дворцового комплекса Понятовского.

Говоря о позиции великого князя, следует отметить его стремление дистанцироваться – насколько возможно – от государственно-представительского пространства, выстроенного для себя Станиславом Августом (и локализованного, прежде всего, в Варшавском замке). Для летнего пребывания Константин выбрал удаленный Бельведер на окраине приобретенного Александром I еще в 1817 г.²⁵ дворцового комплекса Лазенки, а для зимнего – Брюлевский дворец. Здесь же во время посещения Варшавы останавливался и император Александр.

Впрочем, говорить о полном отказе от существовавшего в Варшаве пространства власти не приходится. Невозможно было игнорировать столь важное для политических и репрезентативных целей здание, как Варшавский замок. В 1817–1818 гг. в здании (в частности в зале Сената) был проведен ремонт.²⁶ Сразу после провозглашения Царства Польского в Варшавском замке, как и следовало ожидать, появилось помещение, отведенное для православного богослужения: в 1815 г. здесь была устроена православная часовня, а в 1818 г. Большая капелла замка была перестроена и превращена в православную церковь.²⁷

Эта церковь, Впрочем, так и не стала ключевым пространством для репрезентации власти российского монарха в Варшаве. Об этом, говорит, в частности, организованное Константином Павловичем в апреле 1826 г. символическое погребение императора Александра I, как польского короля. В знак поминовения усопшего монарха, похороненного в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга еще 13 марта 1826 г., в Королевском замке Варшавы были выставлены специально подготовленные инсигнии – корона, скипетр, держава и меч.²⁸ Однако основная часть действия была перенесена не в православ-

ную церковь замка (небольшую и символически малозначимую), а в католический собор Святого Иоанна (Яна), кафедральный собор Варшавы, одно из мест проведения коронаций. Здесь был воздвигнут катафалк (проект Ю. Кубицкого, А. Голоньского) и на протяжении нескольких недель проходили траурные церемонии,²⁹ зачастую весьма далекие от принятых в России. Так, во время поминальной службы в соборе появился всадник – рыцарь, который переломил копье перед катафалком, на котором стоял бюст Александра I.³⁰

Символическое погребение императора Александра I показало сложность создания репрезентативного пространства Российских императоров в Варшаве. И главной причиной здесь было отсутствие и объективная невозможность создания в Варшаве православного духовного центра, который мог бы быть востребован Романовыми для проведения первостепенных государственно-представительских церемоний.

Однако вся глубина противоречий стала очевидна в период подготовки к уникальной во многих отношениях польской коронации Николая I 1829 г.

Как известно, император выполнил положения 45-го параграфа Конституции, пожалованной Александром I Польше, и короновался в Варшаве. При этом обращает на себя внимание тот факт, что польская коронация состоялась через несколько лет после николаевской коронации в Москве. Коронованный 22 августа 1826 г. в Успенском соборе Московского Кремля император Николай I принял корону Царства Польского лишь 12 мая 1829 г., то есть фактически три года спустя. По мнению Н. К. Шильдера такое промедление было вызвано объективными причинами, среди которых историк называет суд над членами тайных обществ и русско-турецкую войну 1828–1829 г.³¹

Вместе с тем затягивание подобного рода могло быть связано со сложностями, которые возникали при организации столь необычной церемонии. Некоторые современники прямо указывали на нежелание Николая короноваться в Польше, будучи уже коронованным в Мо-

²⁴ РГАДА НВК (1796–1835).

²⁵ Молева (1971: 132).

²⁶ Лилейко (1980: 72).

²⁷ Лилейко (1980: 72).

²⁸ Красевский (2009: 64).

²⁹ Шильдер (2010: 423).

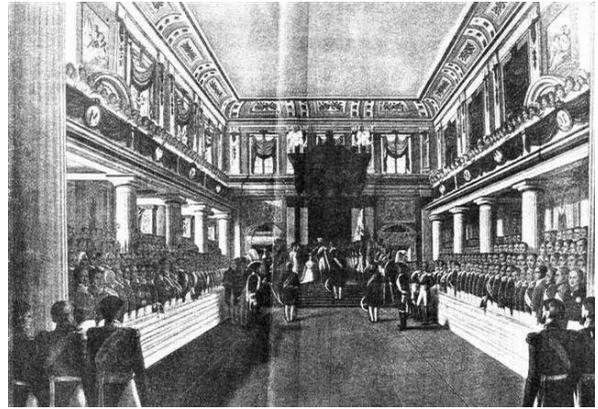
³⁰ Chrościcki (1974: 87); Тананасва (2008: 91).

³¹ Шильдер (2008: 303).

ске.³² Но, главное, император и его окружение понимали, что реализация в Варшаве такого во всех отношениях сакрального акта как коронация в том его виде, каким он представлялся русской стороне, практически невозможна.

Вероятно, Николай I, понимавший значение такого аспекта как ритуализация власти, размышляя о возможности создания своего рода компромиссного варианта церемонии, ознакомился с описаниями польских коронаций. Сложно предположить, что именно стало источником информации, но в российских архивах содержатся многочисленные описания коронационных церемониалов разных стран, в том числе Польши.³³ Очевидно, что в этом случае материалы по коронации Станислава Августа Понятовского 25 ноября 1764 г., которая состоялась в Варшаве, то есть в месте, назначенном и для николаевской коронации, должны были оказаться в поле зрения в первую очередь.³⁴

Знакомство с этим (или схожим по содержанию) документом могло поставить императора в тупик. Действительно, сопоставление церемониального выражения такого знакового действия, как коронация в России и Польше, во многом, демонстрирует глубокие различия в его дискурсивном понимании, что, в свою очередь, уходит корнями в вопрос веры. Короновавшийся в католическом соборе св. Иоанна (Яна), Станислав Август Понятовский, согласно существующему русскому описанию, не сам возложил на себя корону (как это происходило в русской традиции), а короновался князем примасом, перед которым он в течение церемонии несколько раз опускался на колени. Русских читателей этого документа могло поразить и то, что во время коронации монарх несколько раз снимал корону (в частности, во время причастия).³⁵ Некоторые аспекты церемониала коронации Станислава Августа, безусловно, должны были восприниматься в России, как абсолютно неприемлемые. Речь идет, в частности, об эпизоде, во время которого коронуемый монарх „всходит на одну ступень к алтарю и, оборотясь к народу, вынимает меч из ножен и ударяет трижды по воздуху

Илл. 6. Неизвестный художник, Николай Первый возлагает орден Белого Орла на императрицу Александру

крестообразно³⁶ или же о моменте, когда „король сошед со ступеней повергает себя на землю, сложа руки накрест“³⁷.

Неудивительно поэтому, что в окружении императора возникали самые неожиданные и в каком-то смысле радикальные варианты устройства церемонии. Так, Новосильцев предлагал провести коронацию вне какого бы то ни было помещения, на Вольском поле за пределами Варшавы, где происходили выборы короля.³⁸

В итоге, коронация прошла в зале Сената Варшавского замка. При этом многие церемониальные аспекты, действительно были схожи с принятыми на тот момент в Российской империи: въезд в Варшаву, военный смотр польской армии, присутствие членов императорской семьи, наследника и высших сановников империи, особое оформление зала Сената и самого тронного места,³⁹ полный набор государственных регалий, возложения императором на себя короны и принятие державы и скипетра (илл. 6).⁴⁰

Компромиссным вариантом следует признать принесение Николаем I присяги на французском языке. Такое решение внешне выглядело как следование традиции, установленной при Александре I, произносившем свои речи в Сейме на французском,⁴¹ но, при этом, позволяло, задействовав функционал языка-посредника, отказаться от перехода на польский.

В целом же попытки примирения двух дискурсивных линий оказались безуспешными. Ко-

³² Шильдер (2008: 303–304).

³³ РГАДА ИЦД (1573–1676); РГАДА ИЦД (1676); РГАДА ИЦД (1697).

³⁴ РГАДА ИЦД (1764).

³⁵ РГАДА ИЦД (1764: л. 12 об.).

³⁶ РГАДА ИЦД (1764: л. 10 об.).

³⁷ РГАДА ИЦД (1764: л. 9).

³⁸ Шильдер (2008: 304), Lukowski (1991: 87).

³⁹ Grzeluk (2004).

⁴⁰ Жуковский (1885: 462–463).

⁴¹ Конституционная Хартия (1907).

ронация, проведенная в светском пространстве, была лишена в глазах как русских, так и польских участников самой основы, которой являлось постулирование сакральности монаршей власти. Тот факт, что в этот же день император и императрица присутствовали на обеде в православной дворцовой церкви и на молебне в католическом соборе Св. Иоанна (Яна), вероятно, не способствовало изменению оценки ситуации. Нельзя не согласиться с Н. К. Шильдером, утверждавшим, что польская коронация Николая I предстала в духовном отношении, как „разрыв между поляками и династией (Романовых – прим. авт.)”⁴²

Последующие трактовки произошедшего события подтверждают такое предположение. Официальное описание состоявшейся в Варшаве коронации Николая I было издано лишь на польском языке.⁴³ По имеющимся у нас сведениям, традиционный в таких случаях русский коронационный сборник так и не был опубликован: литература, посвященная русским иллюстрированным изданиям, не содержит указаний на публикации такого рода.⁴⁴ Возможно, планы публикации сорвало начало польского восстания, а затем и проведенная 13 января 1831 г. в том же зале дестронизация Николая I.⁴⁵ Но главной проблемой оказалась, по всей видимости, невозможность объяснить подданным империи некую повторную коронацию в светском пространстве. Показательно, что в изданиях, посвященных церемониалу коронаций российских монархов как таковому⁴⁶ или же в более поздних коронационных сборниках, часть объема которых отводилась под историческое обозрение, коронация Николая I в Варшаве никогда не упоминалась. Так, один из самых объемных и детализированных сборников – *Коронационный сборник* Николая II, первый том которого содержал достаточно пространное описание традиции самого обряда, обошел своим вниманием этот исторический эпизод.⁴⁷

В заключении следует отметить, что два представленных эпизода разнятся по своей сути. В случае с пребыванием в Петербурге Станис-

лава Августа Понятовского можно говорить о достаточно успешной попытке вписаться в структуру придворной жизни и предлагаемую форму властного контекста, ведь отрехнувшийся от трона польский король не преследовал в Петербурге самостоятельных представительских целей. Иной была ситуация в случае с Романовыми, имевшими в Варшаве четкий круг политических задач, реализация которых требовала использования серьезных механизмов государственно-представительского уровня. Однако в начале XIX в. создание здесь пространства русской верховной власти оказалось затруднено в силу целого ряда причин, главной из которых стал вопрос веры.

Архивные источники

- РГАДА ДО 1797 = Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА), Москва, Дворцовый отдел (ДО), ф. 1239, оп. 3, д. 57851. „Донесение Измайлова о приготовлении в Москве дома военного губернатора для помещения польского короля”, 1797.
- РГАДА ДПЛ 1798 = РГАДА, Москва, Дела о Польше и Литве (ДПЛ), ф. 12, оп. 1, д. 249. „О погребении в Петербурге польского короля Станислава”, 1798.
- РГАДА ИЦД 1573–1676 = РГАДА, Москва, Исторические и церемониальные дела (ИЦД), ф. 156, оп. 1, д. 99. „Чин избрания и коронования польских королей по давним их уложениям и правам”, 1573–1676.
- РГАДА ИЦД 1676 = РГАДА, Москва, ИЦД, ф. 156, оп. 1, д. 101. „Чин коронования польских королей, бываемый в Кракове”, около 1676.
- РГАДА ИЦД 1697 = РГАДА, Москва, ИЦД, ф. 156, оп. 1, д. 105. „Выписка из церемониала коронации польского короля Августа II в Кракове”, 1697.
- РГАДА ИЦД 1764 = РГАДА, Москва, ИЦД, ф. 156, оп. 1, д. 118. „Коронование Его величества Короля Польского Станислава Августа”, 1764.
- РГАДА НВК 1796–1835 = РГАДА, Москва, Нижне-ломовская воеводская канцелярия (НВК), ф. 539, оп. 1. „Придворная канцелярия великого князя Константина Павловича”, 1783, 1796–1835.

Библиография

- Агеева 2001 = Агеева, О[льга] Г.: „Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII века” [в:] *Феномен Петербурга*,

⁴² Шильдер (2008: 307).

⁴³ *Obgzed koronacji* (1829).

⁴⁴ Верещагин (1898).

⁴⁵ Шильдер (2008: 367).

⁴⁶ Венчание (1883).

⁴⁷ Кривенко (1899).

- Ю. Н. Беспятовых (ред.), Блиц, Санкт-Петербург 2001: 491–505.
- Болтунова 2011 = Болтунова, Е[катерина] М.: „Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII вв.” [в:] *Изобретение империи: языки и практики*, Илья Герасимов, Марина Могильнер, Александр Семенов (ред.-сост.), Новое издательство, Москва 2011: 49–91.
- Венчание 1883 = *Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра II*, Санкт-Петербург 1883.
- Верещагин 1898 = Верещагин, В[асилий] А.: *Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий. (1720–1870). Библиографический опыт*, Типография В. Киришаума, Санкт-Петербург 1898.
- Виж-Лебрэн 2004 = Виж-Лебрэн, Э[лизабет]: *Воспоминания госпожи Виж-Лебрэн о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.)*, В. Д. Соловьев (пер.), Искусство, Санкт-Петербург 2004.
- Жуковский 1885 = Жуковский, В[асилий] А.: *Сочинения*, т. 5, Санкт-Петербург 1885.
- Конституционная Хартия 1907 = „Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815–1881)”, *Библиотека окраин России*, 5 (1907).
- Краевский 2009 = Краевский, А[лексей]: „Польские короны Московского Кремля” [в:] *Ювелирное искусство и материальная культура*, Тезисы докладов участников семнадцатого коллоквиума, 14–18 апреля 2009, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург 2009: 61–65.
- Кривенко 1899 = Кривенко, В[асилий] С. (ред.): *Коронационный сборник*, т. 1–2, Санкт-Петербург 1899.
- Кудрявцева 1872 = Кудрявцева, С[офья]: „Краткие выписки моей жизни. Записки Софии Кудрявцевой, дочери короля Станислава Понятовского”, *Русская старина*, 35 (1872): 119–130.
- Лансере 2006 = Лансере, Н[иколай] Е.: *Винченцо Бренна*, Кло, Санкт-Петербург 2006.
- Лилейко 1980 = Лилейко, Е[жи]: *Варшавский замок*, Интерпресс, Варшава 1980.
- Молева 1971 = Молева, Н[ина] М.: *Варшава*, Искусство, Москва 1971.
- Моравский 2010 = Моравский, С[танислав]: „В Петербурге 1827–1838 гг.” [в:] *Поляки в Петербурге в первой половине XIX в.*, А. И. Федута (сост.), Новое литературное обозрение, Москва 2010: 479–618.
- Орлов 1885 = Орлов В.: „Мраморный Дворец. 1785–1885”, *Русская Старина*, 46 (1885): 421–446.
- Пржецлавский 2010 = Пржецлавский, О[сип] А.: „Воспоминания” [в:] *Поляки в Петербурге в первой половине XIX в.*, А. И. Федута (сост.), Новое литературное обозрение, Москва 2010: 29–470.
- Соловьева 2005 = Соловьева, Т[атьяна] А.: *Дворцовая набережная*, Крига, Санкт-Петербург 2005.
- Тананаева 2008 = Тананаева, Л[ариса] И.: „Нагробный портрет в Речи Посполитой” [в:] *Категории жизни и смерти в славянской культуре*, М. В. Лескинен, Л. А. Софронова (ред.), Сборник статей, Институт Славяноведения РАН, Москва 2008: 69–92.
- Ухналев 2002 = Ухналев, А[ндрей] Е.: *Мраморный дворец в Санкт-Петербурге. Век XVIII*, Левша, Санкт-Петербург 2002.
- Чарторижский 1998 = Чарторижский, А[дам]: *Мемуары*, Терра – Книжный клуб, Москва 1998.
- Шильдер 2008 = Шильдер, Н[иколай] К.: *Император Николай I. Его жизнь и царствование*, Эксмо, Москва 2008.
- Шильдер 2010 = Шильдер, Н[иколай] К.: *Александр I. Его жизнь и царствование*, Эксмо, Москва 2010.
- Chrościcki 1974 = Chrościcki, Juliusz: *Pompa Funebris. Z dziejów kultury staropolskiej*, Warszawa 1974.
- Grzeluk 2004 = Grzeluk, Izidor: „Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku Królewskim w Warszawie”, *Kronika Zamkowa*, 1/2 [47/48] (2004): 73–81.
- Lukowski 1991 = Lukowski, Jerzy: *Liberty's folly. The Polish – Lithuanian Commonwealth in the eighteenth century, 1697–1795*, Routledge, London 1991.
- Obrzęd koronacji 1829 = *Obrzęd koronacji najjaśniejszego Mikołaja I – Cesarza Wszech Rosji Króla Polskiego w stolicy Królestwa w Warszawie*, b.r. Warszawa 1829.

Ekaterina M. Boltunova

Warsaw and St. Petersburg: creation of Russian and Polish ceremonial space in Late 18th – early 19th centuries

The article discusses late 18th – early 19th century attempts to represent Poland at the Russian court as well as to create visual display of Russian ceremonial space in Poland. The first part is dedicated to the case of Stanisław August Poniatowski who came to St. Petersburg in 1797 after his abdication and spent the last year of his life in the Russian capital. His stay is widely considered to be the one of a noble prisoner. The author argues that Poniatowski's status at Paul I's Court was on the contrary truly exceptional. The article deals with Stanisław August Poniatowski's royal funeral ceremony which took place in Marble Palace and the Catholic Church of St. Catherine in St. Petersburg. The second part of the article is the research on Grand Duke of Russia Constantine Pavlovich and Emperor Nicolas I's presence in Warsaw. Polish Coronation of Nicolas I in 1829 gets particular attention. The analysis aims to demonstrate the Russian Emperor's failure to create his own representative space in Polish capital.